

В первый раз мы встретились в большой аудитории мехфака Одесского политеха 1 сентября 1953 года. Экзаменационная страда была уже позади, и впервые все собрались вместе. Большинство были юными, вчерашними школьниками — одни зажатые, другие чересчур оживленными. Но всех объединяло радостное настроение — мы вступали в новую жизнь.

Мое внимание привлек худощавый мальчик с вьющимися каштановыми волосами. Я не случайно назвал его мальчиком — он действительно выглядел очень юным. Дергался он спокойно, уверенно. Представлялся так: "Леонид, но вообще-то все зовут меня Лёка". После этого к нему иначе не обращались.

С первых дней занятий мы сидели рядом, потом разговорились. Оказалось, что наши школы расположены недалеко одна от другой, нашлись общие знакомые. Потом выяснилось, что наши родители давно знакомы: отцы были инженерами-руководителями еще в довоенной Одессе. Постепенно завязались дружеские отношения, не прекращавшиеся все институтские годы.

Мы стали бывать друг у друга дома, почему-то чаще у Лёки. Вместе готовились к семинарам, практическим занятиям. Но постепенно от учебных тем переходили к более живым и интересным. Как правило, после работы заходил отец Лёки Яков Моисеевич, интересовался прошедшим днем, шутил, что-то рассказывал, взвешивал Лёкины волосы и уходил — как мне казалось, в другую комнату. Только через несколько месяцев Лёка рассказал мне, что у отца много лет другая семья, он живет в другом районе города, но ежедневно навещает Лёку и своих родителей (они жили вместе с внуком). Яков Моисеевич Розенталь стал для меня примером человека, который после ухода из семьи остался настоящим отцом, сохранившим доверие сына. Не думаю, что общение Лёки с отцом было бы более близким, если бы они жили вместе.

Лёка и я привлекли еще в школе (которую оба окончили с медалями) серьезно относиться к занятиям. Мы быстро и сравнительно легко схватывали учебный материал. Но основные наши интересы находились за пределами учебных проблем. Мы любили живое общение, которое занимало все наше свободное время.

Я с удовольствием редактировал факультетскую стенгазету "Механик", писал критические материалы, а в соавторстве с моим самым близким в жизни другом Женей Марголиным — фельетоны. (Женя впоследствии стал известным профессиональным журналистом и киносценаристом, лауреатом Государственной премии СССР). В газете сотрудничали мой институтский друг Витя Денисенко, прекрасный художник и карикатурист Юра Ташман и другие способные и увлеченные этим делом ребята. Газета вызвала интерес, у каждого свежего номера всегда толпились студенты.

А Лёку влекла к себе сцена. Еще в школьные годы он увлекся парным концерансом со своим одноклассником Давидом Макаревичем — впоследствии известным кавээнщиком, актером студенческого театра "Парнас-2", а через много лет — театра "Ришелье". Они исполняли куплеты, музыкальные фельетоны, вели концерты. Когда Лёка и Давид стали студентами, их популярность вышла за рамки родной школы. Они выступали не только в своих институтах — политехе и холодильнике, но и вели городские слеты, конкурсы, концерты, вечера и пользовались большим успехом.

ЛЁКА

Обязанности концерансье часто предполагали его участие в организации программы, которую предстояло вести. Поэтому Лёка как-то естественно начал заниматься тем, что принято было называть культурной работой (как мы небезопасно уточняли — не от слова "культ", а от слова "культура").

К четвертому курсу наша с Лёкой общественная деятельность вышла за рамки факультета. Комитет комсомола института получил тогда права райкома, так как на учете в нем было более четырех тысяч комсомольцев. Лёку и меня избрали в состав бюро этого комитета. Лёке поручили руководить культмассовым сектором, а мне — оргработой, избрав впоследствии заместителем секретаря комитета. Секретарем ("освобожденным", т. е. получающим зарплату) был преподаватель теплофака Анатолий Лиференко — взрослый серьезный семейный человек. А мы, мальчишки, иногда позволяли себе с ним спорить.

Один из примеров — нашу мевшая в городе кампания "борьбы с импрессионизмом". В актовом зале нашего института состоялся диспут, на котором был прочитан доклад о современном изобразительном искусстве, подготовленный группой студентов электрофака: Е. Голубовским (ныне — один из старейшин одесской журналистики), А. Мейстелем, М. Винер, И. Юзефпольским и другими. Каким-то образом о диспуте узнали за пределами института, и в зале кроме наших были студенты университета, консерватории, художественного училища, работники музеев.

Присутствовавшие слушали об импрессионизме, кубизме, абстракционизме и других направлениях в живописи с огромным интересом. Немногочисленные репродукции картин, которые в зале пустили по рукам, большинство видели впервые.

Диспут стал событием в культурной жизни института, о нем говорили в городе.

Все было бы прекрасно, если бы через несколько дней в одной из одесских газет не появилась статья работника Музея западного и восточного искусства, в которой диспут был подвергнут разгромной критике как "пропагандирующий среди студентов мелкобуржуазную идеологию". Статья попала на глаза какому-то партийному чиновнику, который вставил этот факт в отчетный доклад первого секретаря обкома партии как пример слабой идеологической работы среди студентов. Оттуда это попало в передовицу "Правды Украины".

Что тут началось! В наш комитет пришел секретарь горкома комсомола В. Бондарчук, собрал бюро и сказал, что "есть мнение" о необходимости организовать повторный диспут, на котором дать оценку прошлому диспуту как идеологически вредному. Я и Лёка пытались возражать, нас от организации этого мероприятия отстранили, но все равно я вспоминаю о нем с чувством стыда. Выступали заранее подготовленные ораторы — передовой токарь завода, сотрудник картинной галереи, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма, специально отобранные студенты. Они "с партийных позиций" клеймили подготавливавших диспут ребят, называли их отщепенцами, с которыми советским студентам не по пути. Организаторы рассчитывали на единодушное одобрение таких выступлений, но им это не удалось. На трибуну без разрешения председательствовавшего выходили разные люди — и специалисты по искусству, и простые студенты, которые поддерживали ребят. Шум, крики. Страсти накалились. Женя Марголин потом написал шутовское четверостишие:

Диспут шел. В грудь и в лицо
Друг друга ораторы тыкали,
Но какое тут может быть Пикассо,
Когда мы чуть в окно не выпали?

Действительно, зал был настолько полон, что многие стояли в проходах и даже на подоконниках.

Диспут был сорван. Потом у авторов доклада были большие неприятности. От исключения из института их спасло только то, что все они хорошо учились (отчислили только И. Юзефпольского, у которого нектати был обнаружен один "хвост"). Интересно, что помог выйти из этой неприятной ситуации Илья Эренбург, к которому ребятам удалось попасть на короткую аудиенцию в Москве, но это уже совсем другая история.

А Лёку все больше привлекала сцена, и выступления только в качестве концерансье его уже не удовле-

творяли. В институте было два сценических коллектива достаточно высокого уровня. Один из них — драматический, которым руководил Иосиф Львович Беркович.

Бывший актер Украинского театра, а потом — режиссер и зав. труппой Театра Советской Армии, в котором он до переезда этого театра во Львов поставил несколько спектаклей, Иосиф Львович всегда параллельно работал с самодеятельными коллективами. Поставленные им во Дворце им. Леся Украинки, Доме офицеров, Доме медресистов, холодильнике институте спектакли "Машенька" по пьесе Афино-

генова, водевил "Лев Гурыч Синичкин" по А. Бонди, комедия А. Галича "Вас вызывает Таймыр", "Таня" по пьесе Арбузова и ряд других пользовались большим успехом.

Самодеятельные артисты в Берковиче, как говорится, души не чаяли. Очень тепло и интересно рассказал об этом человеке, своим учителем и другом, Давид Макаревич в воспоминаниях "Книга про нас" и "Книга про мое". Приведу несколько его строк: "Он покорила меня сразу. Не строил из себя большого мастера. Он был товарищем, более старшим, более опытным, но не больше того... Говорил: "Я хороший режиссер. Если я вижу, что у человека получается, я ему не мешаю. Вот если нет, тогда надо вмешаться". И еще одна, на мой взгляд, замечательная фраза: "Он приходит тебе на помощь в трудную минуту и искренне любит тебя, не требуя ничего взамен".

К этому режиссеру и человеку и пришел Лёка. Небольшой опыт участия в школьном драмкружке у него уже был, но уровень институтского драмколлектива оказался несоизмеримо выше. Впоследствии коллектив получил звание "народный театр", это было довольно почетно и говорило о многом.

В спектакле по пьесе В. Розова "В добрый час!" Лёка начал репетировать роль центрального персонажа — Андрея. На первый взгляд, это милый бездельник, "вздорный, взбалмошный, избалованный мальчишка, грубиян и скептик" (В. Розов), не знающий, чего он хочет в жизни, как найти в ней то свое единственное место, на котором "все твои способности наружу выйдут". Лёке нужно было показать, что за внешними чертами фрондера и благодушного лодыря скрывается добрый, честный, душевно богатый человек. Эта задача достаточно трудна даже для профессионального актера, а для неопытного технарятретькурсника без специальной подготовки — тем более.

Надо сказать, что справился он

с этим блестяще, хотя жывился в роль тяжело и болезненно. Лёкина мама Зинаида Михайловна, известный адвокат и умная женщина, не могла понять, что произошло с ее воспитанным и любящим сыночком. Он начал грубить ей ("ты свои фокусы брось", "ладно, не пугай", "еще чего", "есть что-нибудь вкусное? — давай тащи побыстрее"). Обеспокоенная мама не знала, что это — слова Андрея, обращенные в пьесе к его матери, и Лёка "входит в образ", проверяя себя на самом близком человеке. Только на премьере спектакля Зинаида Михайловна, услышав знакомые выражения, все поняла и растрогалась.

Спектакль был принят замечательно, о нем много говорили не только в нашем институте, но и в городе. Лёка сразу стал популярен в студенческой среде, и прежняя симпатия к нему увеличилась многократно.

Продолжая выступать, Лёка много времени уделял культурной работе. В институте существовали разные коллективы художественной самодеятельности, которые готовили свои программы. Конечно, эти коллективы и их традиции формировались в течение многих лет, но в организации этой очень интересной стороны нашей студенческой жизни в 1956-1957 учебном году большую роль сыграл Лёка.

Хор, как и драматический коллектив, имел звание народного. Руководила им замечательный хормейстер и очаровательная женщина Татьяна Азарьевна Кагель. В четырехголосном хоре пели 50-60 человек. Как и полагается при многоголосии, каждая из четырех групп голосов вела свою партию. Такая полифония создавала прекрасное и мощное впечатление.

Читатель, вероятно, уже понял, что автор неравнодушен к этому коллективу. Действительно, я три года был его участником и до сих пор не забываю ощущение восторга от мощного, чистого и прекрасного звучания. Хор исполнял разнообразные произведения — от оригинальных хорывых до специально аранжированных для многоголосия. До сих пор звучит в памяти исполнявшаяся акапелло (т. е. без инструментального сопровождения) "Кольбельная" Моцарта. В ней великолепным сопрано солировала Тая Мороз, впоследствии солистка Одесской оперы, заслуженная артистка Украины. Ее, увы, уже нет с нами.

Ведущим в группе басов был Гена Исаханов, обладатель прекрасного "бархатного" баритонального баса и отличного музыкального слуха, выручавшего нас неоднократно, когда мы не совсем точно попадали в тональность. Смуглый крепшис с крупными мужественными чертами лица, он олицетворял уверенность и силу. Говорили, что через несколько лет после окончания института он оставил инженерную деятельность и стал солистом Ленинградской филармонии.

Прекрасный лирический тенор был у Толи Вулихмана. Высокий красавец с вьющимися волосами, он

ПОСЛЕВОЕННАЯ РАЗВАЛКА

Наша семья вернулась из эвакуации в освобожденную Одессу 17 апреля 1944 года. То есть всего неделя нам потребовалась, чтобы добраться из узбекского Намангана в наш родной город. Подробностей я не знаю, но мне было известно, что отец, у которого была бронь от участия в военных действиях, должен был срочно доставить какой-то архив или весьма важные документы. Помню тяжелейший путь от Николаева до Одессы. Ехали два американских "студбеккера": один с архивом (или документами) под охраной двух солдат-автоматчиков, другой — с вещами нашей семьи. Дороги, как мы ее представляем себе сейчас, не было никакой, и на преодоление 130 километров ушло более десяти часов. Итак, две большегрузные машины каким-то образом въехали на Дерibasовскую со стороны улицы Пушкинской.

Почему со стороны Пушкинской? Не знаю, думаю, на это были свои причины. В памяти девятилетнего

ребенка наша главная улица запечатлелась совсем безлюдной и пустынной, прохожих не было, хотя время было послеобеденное. И что еще запомнилось — заколоченные витрины и двери магазинов. Нам предоставили временное жилье сначала на Ришельевской напротив бывшего кинотеатра 20-летия РККА (позднее кинотеатр стал называться "Украина"), затем — на Пушкинской, рядом с Музеем западного и восточного искусства. Довоенная наша квартира в Базарном переулке была занята семьей инвалидов. Отец не хотел судиться с ними, очевидно, надеясь получить от властей что-то лучшее. Действительно, вскоре нам предоставили отдельную квартиру с частичными удобствами на улице Кузнечной. (Проживавшая там во время оккупации семья будто бы жила в Румынию.) Дом наш находился как раз напротив развалки, так называла это место вся округа. Потом здесь построят здание института связи. Ну, а пока...

Чем же была знаменита эта развалка? В общем, развалок в освобожденной Одессе хватало, но у этой была своя колоритная история. Во-первых, она выделялась размерами: представьте себе огромный прямоугольник, ограниченный улицей Кузнечной, Лютеранским переулком, улицей Новосельского и Пионерским переулком. Во-вторых, этот разрушенный ансамбль венчала знаменитая лютеранская церковь — Кирха.

Во время оккупации на месте теперешней развалки находился то штаб немецкого гарнизона, то ли какое-то крупное формирование военного назначения, возможно, снабженческое.

Увидев первый раз развалку снаружи, я испытал страх перед зияющими оконными проемами по всему периметру разрушенного здания. Успокаивали лишь надписи, сделанные на стене с помощью трафаретки через определенные промежутки: "Проверено — мин нет!".

Причем эта трафаретная надпись была набита черной краской внутри четырехугольника на фоне серого цвета, в который был выкрашен фасад здания, взорванного и сожженного фашистами при отступлении. Эти четырехугольники вселяли в детскую душу уверенность: не надо волноваться, безопасность обеспечена.

Но, как оказалось впоследствии, на развалке опасность подстерегала таких, как я, на каждом шагу. Сюда мы рвались всем сердцем, не прислушиваясь к предостережениям и увещаниям родителей. Посещение развалки было регулярным, многочасовым, почти ритуальным. Меня, моих сверстников и более старших друзей интересовало буквально все. Взрослым практически было не до нас, поэтому в течение дня мы были предоставлены самим себе до того момента, пока не начинали чувствовать, что проголодались. Еще шла война, еще бомбили город, нехватка ощущалась во

всем, особенно плохо было с едой и одеждой. Родные отказывали себе во всем, сейчас это острее понимаешь, и лучший кусок всегда оставляли ребенку.

Весна быстро миновала, наступило жаркое лето, до занятий в школе оставалась целая вечность — какая благодать! В развалке мин точно не было, но зато она была буквально нашпигована патронами разных калибров: к карабинам и винтовкам, автоматам и пулеметам, попадались даже небольшие противотанковые снаряды. Об их различии более старшие ребята знали не понаслышке, особенно те, кто оставался в оккупации. Некоторые мальчишки имели возможность не только подержать их в руках, но и разобрать. Так что определенный опыт в этом опасном деле у кое-кого имелся. Мы же, младшие, проявляли к подобным "игрушкам" особое любопытство. Многие из нас видели патроны впервые в жизни, а их изобилие вызывало внутренний трепет.

Взрослые ребята разбирали патроны или небольшие снаряды, вынимали порох, поджигали его, устраивая фейерверки. Нередко звучали

был кумиром девушек всех факультетов. Вспоминаю первуюмайский вечер, на котором Толло не отпустили со сцены до тех пор, пока он не показал рукой на горло, — мол, больше не могу. Это был его последний концерт, так как в июне он оканчивал институт. Как дальше сложилась его судьба вокалиста, не знаю.

В хоре пели не только обладатели очень хороших голосов и слуха. Десятки людей с обычными музыкальными способностями, прошедшие школу нашего хора, не только заметно развили их, но и получили эстетический заряд на всю жизнь. Недавно участница хора Лариса Богдан, вспоминая в беседе со мной эти годы, сказала: "Когда мне не совсем удавалось петь голосом, я пела душой, и это было прекрасно".

Хор выступал не только в институте. Помню участие в проходившем в оперном театре общегородском концерте в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией. Тогда нам пришлось вместо двух запланированных песен исполнить еще одну или две — такой мы имели успех.

Два раза в год — к 7 Ноября и к 1 Мая — в помещении Украинского театра устраивались общинститутские вечера, большие и интересные концерты художественной самодеятельности. На них выступали и коллективы, и отдельные участники: неплохой эстрадный оркестр (помню трубача Нику Зубатова и ударника Марика Нисера), трио виолончелисток — сестер Емчиновых, уже упоминавшиеся Гена Исаханов и Толя Вулихман и многие другие.

Иногда на концертах исполнялись произведения наших самодеятельных авторов, которые тепло принимались зрителями. Помню, как на первоммайском вечере прозвучал "Торжественный вальс", посвященный фестивалю молодежи и студентов. Музыку написала Валя Цуркан, слова — Оля Горбатова. Исполнила вальс, если не ошибаюсь, Оля Островская (все три — студентки нашего механического факультета). Концерты вели, как правило, Лёка и Давид Макаревский.

После первогомайского вечера 1957 года наша с Лёкой общественная деятельность, как обычно в конце учебного года, сбавила обороты. Мы, как и в предыдущих семестрах, были отличниками — общественная работа этому не мешала. Впереди экзаменационная сессия, последние каникулы, военные учебные сборы, потом последний семестр, дипломный проект и — прощай, институт. Настроение было прекрасным.

Лёка единственный из моих знакомых побывал летом в Москве, где проходил I Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Вернувшись, он много рассказывал о небывалых впечатлениях — ведь это было самое крупное для молодежи событие после открытия "железного занавеса". Во многое из рассказанного Лёкой нам тогда трудно было поверить, настолько это было необычным и интересным. Мы были полны оптимизма. Ничто не предвещало несчастья, которое вскоре произошло.

взрывы. Удивительно, что я каким-то чудом остался невредимым, а ведь некоторые мальчишки стали калекками на всю жизнь: кто без глаза, кто без пальцев, кто получил осколочное ранение. "Стреляли" обычно в стену, в перегородку. Были случаи, когда подобные детские шалости приводили даже к смертельному исходу. От посещения развалки не удерживали ни подзатыльники родителей, ни более серьезные наказания, когда тебя закрывали в квартире и не выпускали на улицу в течение целого дня. В этом случае меня всегда выручала бабушка, которая любила единственного внука и в меру своих сил всегда шла мне навстречу.

Думаю, не только я, но и все мои друзья просто бредили развалкой, она часто снилась нам, это был своеобразный наркотик. Даже сейчас, на склоне лет, в памяти всплывают воспоминания, связанные с местом детских романтических встреч. Особенно часто возвращаешься в то время, когда наступают апрельские и майские дни, остро напоминающие об Освобождении и Победе.

Было одно незабываемое при-

22 сентября Лёка и Давид вели во Дворце моряков какое-то городское мероприятие, после которого Лёка с отцом пошли на стадион "Черноморец". Там был интересный матч, а на футбол они всегда ходили вместе, с большим удовольствием. На стадионе Лёка сказал, что у него побаливает живот и он пойдет домой, а отец пусть спокойно смотрит игру. После матча Яков Моисеевич позвонил Лёке и узнал, что боль стала очень сильной. Лёку срочно доставили в больницу, где немедленно отвели в операционную. Вскоре приехала Зинаида Михайловна, которой сообщили о происшедшем. Свет

Похоже на голос Якова Моисеевича, но не совсем. Что делать? Отец посоветовал набрать номер Лёки и, если сразу же не ответят, положить трубку — значит, в такую рань звонили не оттуда. Мама поколебалась, но решилась и позвонила. После первого сигнала она услышала тот же заторможенный голос: "Рыва Моисеевна, Вы не поверили? Я тоже не верю до сих пор, но Лёка умер".

И вот наступил страшный день похорон. До этого мне не приходилось присутствовать на похоронах близкого человека, а в этом случае нужно было и организовать их часть, связанную с институтом.

над дверью операционной горел очень долго. Поздно вечером он погас, к родителям вышла сестра и сказала, что их сын умер. Хирурги не решились сделать это сами.

Оказалось, что у Лёки произошел заворот желудка. Как сказали мне знакомые медики после вскрытия, Лёка умер, захлебнувшись желудочным содержимым, устремившимся вверх после распрямления желудка. По их словам, этого не произошло бы, если бы были предприняты необходимые при этой операции и хорошо известные меры предосторожности. Возможно, хирурги не вышли к родителям Лёки именно поэтому...

23 сентября рано утром, в начале шестого, у нас дома зазвонил телефон. Подошла моя мама и услышала лишенный интонаций, неестественно спокойный голос: "Рыва Моисеевна? Это Розенталь. У меня больше нет сына", — и сигналы отбоя. Она растерянно посмотрела на меня и отца. "Какой-то странный звонок.

ключение на развалке. Наша братва пошла дальше саперов, работа которых, очевидно, сводилась к проверке местности на наличие или отсутствие мин внутри или вокруг здания. За какой-то месяц мы сделали полную "ревизию" развалки. Однажды забралась по крутой лестнице на самый верх кирки и обнаружили там действующий пулемет, дуло которого смотрело на Дворянскую (Петра Великого). Затем осмотрели все ее пристройки, по дороге выявляя очередную порцию разнокалиберных патронов. Периодически пускали их в "дело". Но супероткрытием стало обнаружение в центре развалки некоего подземелья, вход в которое представлял собой цилиндрическое кольцо диаметром метров шесть-семь. Отсюда до дна колодца было метра три.

Не помню уж, как мы изловчились, но в результате все-таки сумели оказаться внизу. Дно было усыпано ракушечником, битым кирпичом, строительным мусором, а над головой сияло ласковое солнце. Нас распырало любопытство, что же там внутри? С опаской

В вестибюле главного корпуса прошла гражданская панихида, но я ее практически не помню — все было, как в тумане. Потом гроб несли на плечах, сменяясь каждые несколько минут, от Преображенской через Сабанев мост по Екатерининской, и только через много кварталов поставили на катафалк. Другой такой траурной процессии я не помню. Время от времени с тротуаров раздавались сдавленные крики — это была реакция прохожих, в основном, девушек, которые не знали о смерти Лёки и вдруг увидели надписи на венках.

За несколько месяцев до смерти Лёка начал встречаться с симпатичной девушкой Олей. Мне казалось, что Зинаида Михайловна относилась к этому не очень одобрительно. Но когда Оля с белым помертвевшим лицом подошла к гробу и долго стояла рядом, Зинаида Михайловна молча обняла ее и уже больше от себя не отпускала.

Похоронили Лёку на 2-м кладби-

и фантастическим предчувствием осторожно двинулись вглубь прохода, который открылся нашим глазам. Углубившись на несколько десятков метров, оглянулись назад и увидели лишь узкую полоску падающего сверху света. Ноги продолжали тянуть вперед. Вдруг мы увидели небольшое отверстие, и шедшие впереди нырнули туда. В этом "авангарде" был и я, младший во всей компании. Очутившись в почти полной темноте, инстинктивно выткнул руки перед собой. Навдвигавшаяся темень ощущалась еще сильнее, поджлики тряслись.

За мной, что-то нашептывая, двинулись остальные ребята, постарше меня. В какой-то момент мои руки наткнулись на препятствие, и, испугавшись, я остановился. Как жаль, что ни у кого не было спичек, заранее ведь никто не ожидал, что мы попадем в подземелье и будем брести в потемках. Волнение понемногу улеглось, поскольку дальше идти было некуда. Мы как бы пришли в тупик и решили обследовать возникшее препятствие. Как потом выяснилось, преградой был 300-литровый бутыль в оплетке из лозы с чис-

ще на Люстдорфской дороге. В первые дни после похорон я не мог заставить себя пойти к Зинаиде Михайловне — мне казалось, что ей будет тяжело видеть меня, живого и здорового. Я понял, что был неправ, когда в институте ко мне подошел Беркович и сказал: "Миша, почему ты не был у Зинаиды Михайловны? Она просила передать, что хочет тебя видеть".

Конечно, я пошел сразу же. Долго стоял перед знакомой дверью, не решаясь нажать на кнопку звонка. Зинаида Михайловна по-доброму встретила меня и спросила: "Почему ты не приходил? Боялся, что мне

Прошло довольно много времени, Оля уже занималась в юридическом институте. Однажды мы сидели на камне, стоящем в воде на пляже 16-й станции, и Оля вдруг сказала: "А меня выдают замуж. За сводного брата Зинаиды Михайловны. Он инженер-электрик, уже несколько лет работает в Новосибирске. Я согласилась".

Так и произошло. Оля уехала. Во время одной из первых своих командировок я побывал у нее в гостях в Новосибирске. Муж Оли Шура Тув оказался симпатичным контактным человеком с живыми умными глазами. Он работал заместителем главного конструктора по электроприводу на большом станкостроительном заводе. Общение с ним было приятным и интересным. Видно было, что Шура очень хорошо относится к Оле. Через несколько лет я еще раз был у них в Новосибирске, они во время приезда в Одессу — у нас. К сожалению, потом из-за дальности расстояний встреч не было.

После первой поездки в Новосибирск я зашел к Зинаиде Михайловне, рассказал о встрече с этими двумя, возможно, самыми близкими ей людьми. Заходил и потом. Но, к сожалению, я общался с ней все реже — работа, семья, болезни близких отнимали много сил и времени, хотя это не оправдание.

Оля и сейчас руководит юридической службой завода "Сиблитмаш". По рассказам общих знакомых, она хороший профессионал с твердым характером, волевая и организованная. Я много лет ее не видел и потому с трудом представляю себе в этой роли ту миниатюрную смешливую девочку на высоченных каблуках, с которой Лёка позначил меня пятьдесят лет назад.

На могиле Лёки была установлена стела из черного гранита с белым мраморным портретом-барельефом. Зинаида Михайловна долго помогала скульптору выбрать тот ракурс, который обеспечивал наибольшее сходство.

А с Яковом Моисеевичем контактов не было совсем. Видимо, ему, в отличие от Зинаиды Михайловны, было очень тяжело видиться с друзьями погибшего сына. Когда он случайно встречал меня на улице, проходил мимо, делая вид, что не заметил. Пару раз мне даже показало, что он перешел на другую сторону, чтобы избежать встречи.

Яков Моисеевич умер в 1984 году и похоронен рядом с сыном. Зинаида Михайловна умерла в Израиле несколько лет назад, пережив сына почти на 45 лет.

В этом году Лёке исполнилось бы семьдесят. Очень жаль, что он прожил так мало — всего 21 год. Трудно сказать, стал бы он способным инженером или успешно реализовал бы свою тягу к сцене. Уверен, что в любом случае Лёка сказал бы свое слово в выбранной специальности. Пусть этот очерк будет данью памяти и добрым словом об этом неординарном человеке.

Михаил ГАУЗНЕР.

тейшим медицинским спиртом. Причем таких бутылей было аж три.

В первый момент мы, конечно, не знали, что находится внутри огромных емкостей: стеклянные пробки были очень плотно притерты, и выкрутить их у нас не было сил. Решили возвращаться к колодцу и довольно быстро были уже на поверхности. Между собой договорились, что о находке пока никому сообщать не станем. Но, как всегда бывает в таких случаях, тайна кого-то так придавила, что к вечеру все тайное стало явным. Рассекречивание происходило с космической скоростью. И вот от улицы Льва Толстого по Кузнечной и параллельным ей улицам и переулкам в сторону развалки потянулись люди с ведрами и бутылками. Сначала они шли не спеша, а через некоторое время уже бежали. Нырнув через оконные проемы внутрь развалки, народ прямоком направился к колодцу. Откуда-то сразу появилась лестница, по которой жильцы близлежащих домов устремились вниз.

Окружив колодец, мы стояли и поспеивались, с любопытством наблюдая за необычной картиной.

Мужчины и женщины образовали живой конвейер, подавали друг другу сначала пустые, а потом и полные емкости с жидкостью, у которой был специфический, мне тогда явно незнакомый запах. Отсюда только доносились голоса: "Осторожно, ради Бога, только осторожно!". Взрослые от охватывающего их волнения и счастья веселились, как дети, унося бесценную жидкость, охотно подбадривали друг друга. Вся эта процедура, как нам казалось, длилась бесконечно. Но все когда-то кончается... После этого, помню, было много разговоров, кривотолков, но до вмешательства правоохранительных органов дело, кажется, не дошло. Страсти улеглись сами собой...

Недалеко от нашего дома, на углу Кузнечной и Спиридоновской, была еще одна развалка. Здесь проходили футбольные баталии мальчишек со всей округи. Но это уже другая, не менее интересная история. Думаю, что у каждого мальчишки в послевоенной Одессе была своя развалка. Моя, кажется, была самой большой в городе.

Владимир ШТЕЙНБЕРГ.